

шолта

Юхан Силластэ

ЛОЦИЯ В МОРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ

Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. – М.: Academia, 2003. – 456 с.

Вполне естественно, когда одна и та же книга разными читателями воспринимается по разному. Особенно, если они принадлежат к разным социумам, народам. И особо заметным это различие становится тогда, когда речь идет о взаимоотношениях государств, где эти читатели живут. Именно такую книгу написал Ренальд Симонян. Неудивительно, что она вызвала в научных, общественно-политических и правительственных кругах Эстонии весьма обостренный интерес (хочется надеяться на подобную реакцию и в России, не говоря уж о Латвии и Литве).

Почти полтысячи страниц плотного текста монографии на чрезвычайно сложную тему, ставшую за последние полтора десятка лет болезненной или запутанной. Такую монографию обыкновенно пишет большой коллектив. А тут один исследователь, хотя и хорошо известный.

Есть лишь один верный способ преодолеть сомнения: начать хотя бы пролистывать книгу. И сомнения быстро исчезают. Время на чтение не оказывается потерянным. Наоборот, становится ясным, что к этому труду придется еще не раз возвращаться. Почему?

Как гласит известная русская поговорка: «нечего на зеркало пенять...» Правильно в общем-то. Но ведь зеркала бывают разного качества и назначения. Власти всех четырех обсуждаемых в монографии стран время от времени говорят о стремлении улучшить отношения между странами Балтии и России, о готовности иметь взаимовыгодные партнерские отношения. Но что-то не получается. Уже много лет не получается. И вряд ли будет получаться, если «улучшатели» вместо потенциального партнера видят лишь его отражение в зеркале собственного же изготовления. «Высокие договаривающиеся стороны» видят не друг друга, а что-то воображаемое, должное быть по их разумению. Ясно, что в результате взаимонепонимание лишь усиливается.

В таком контексте качество продукции «зеркального производства» отнюдь не способствует успеху партнерства, что вынуждает Ренальда Симоняна посвятить этому отдельную главу «Два информационных пространства». Быть может, книгу стоит начать читать именно с этой, четвертой по счету главы? Тем более, что анализ качества информационных полей и их итоговая оценка у московских и эстонских исследователей практически совпадают (с. 407). Ренальд Симонян

приходит к весьма шокирующему выводу: «...российские масс-медиа сыграли роль одного из катализаторов межгосударственных антагонизмов с нашими балтийскими соседями» (с. 377). Ценность выводов его исследования, несомненно, усиливается в безжалостном разборе культивируемых в постсоветский период мифов, штампов и сопутствующих им двойных стандартов. Автор отмечает живучесть давней советской традиции разделения информации на потоки для внутреннего и внешнего пользования, что невольно перемещает живущих в Балтии русских на позиции защитников соответствующих стран. Ведь несоответствие между тем, что есть на самом деле и тем, что об этом пишется, говорится и показывается, зачастую вызывает у них внутренний протест.

При характеристике различий в информационной практике изданий на русском и местном языках в странах Балтии очень содержательным представляется используемый автором компаративный подход. В ходе исследования выявляются преобладающие представления и доминанты. Отмечается, что «...для прессы на русском языке при описании события характерен заинтересованный, сочувствующий, или наоборот, уничижительный, иронический и саркастический тон» (с. 358). Лучше воспринимаются коренным населением сообщения, основанные на простом перечислении фактов. Различие в менталитете определяет разное построение информационных полей.

В книге справедливо критикуется злоупотребление штампами и обидными дефинициями, которые можно обнаружить в изданиях как для коренных жителей, так на русском языке, а также ядовитыми клише и антироссической риторикой: «...в чём больше и язвительнее других преуспели эстонские журналисты» (с. 367). В целом же тональность масс-медиа становится в странах Балтии все более спокойной и нейтральной. Нет спора, Ренальд Симонян прав, когда пишет: «От периода длительного совместного проживания накопилось много раздражителей, особенно на иррациональном уровне» (с. 438), «не приходится рассчитывать, что от этого психологического груза можно быстро освободиться. Как фобии отдельного человека, так и фобии общества требуют длительного лечения» (с. 418).

«Курс лечения» состоит наверное в том, чтобы понять, с одной стороны, «как дошли мы до жизни такой», а с другой, какими мы за прошедшие годы стали. Для будущих партнерских отношений важно именно понимание того, что мы разные и в чем именно разные. Излишняя одинаковость лишает нас возможности взаимодополнения.

В этом смысле надо признать, что своей монографией Ренальд Симонян сделал колоссальный шаг в нужном направлении, разобрав все основные компоненты «истории вопроса». Отталкиваясь от ментальности балтийских народов, отличной от русско-советской, он обстоятельно характеризует состояние умов и устремления людей в годы нахождения Латвии, Литвы и Эстонии в составе СССР. При этом большое внимание уделяется и тому, чем эти общества заняты

меж собой. Ведь каждая из четырех рассматриваемых стран является по своему уникальной.

Наверное для многих, особенно в Эстонии, да и в России тоже, будет неожиданным и парадоксальным утверждение Ренальда Симоняна: «...именно прибалтийские республики предлагали реальный способ сохранить Союз, а центральная власть наоборот, сделала все, чтобы его разрушить» (с.75). Сомневаетесь? Прочитайте книгу. Факты и аргументация на сей счет в книге приводятся.

Таких ошаривающих заключений в этом труде немало, причем не сенсации, а истины ради. Спорить с ними, конечно, можно. Но откуда взять столь же убедительную массу доказательств? Вот задача для оппонентов. Представляется, что – неподъемная.

Или другое утверждение, что «диаспора не ведет себя как диаспора» (с.107). Это о русском населении в странах Балтии. Опять же вывод корректно доказан богатейшим фактическим материалом. Выясняется, что в российской общине выделяются целых восемь «четко очерченных групп, каждая из которых отличалась своими специфическими особенностями, в отношениях с титульным населением, своими ориентациями и установками» (с. 93). Это и потомки коренных россиян, проживающих в Эстонии с довоенных лет (точнее до пакта Молотова–Риббентропа). Их удельный вес составляет не более 8–9%. Это и лимитчики, которые приехали и вели себя так же, как вели бы себя в любом другом месте своего пребывания. «Напряжения, которые возникали... носили не столько межэтнический, сколько межкультурный характер» (с. 102), пишет Ренальд Симонян. Он проводит в этой связи аналогии с Москвой, Санкт-Петербургом, Череповцом. «Психологический стержень этого слоя – поведенческая неустойчивость» (с. 104), которая проявляется везде, где бы такие мигранты не появились. Стало быть, в процессе их адаптации к местным условиям жизни и интеграции в местное общество Балтийские государства сталкиваются с задачей, по меньшей мере, двойной сложности.

Автор, несмотря на безжалостность хирурга при анализе фактов, отличается, судя по всему, оптимистическим складом ума. Отслеживая происходящее, он обнаруживает в Балтии симптомы возникновения нового субэтноса «еврорусских»: «...сегодня начинает входить в активную социальную жизнь новое поколение русских, потомки тех самых «поздних мигрантов» (с. 158). Наверное, вывод, что «... молодой житель Балтийского региона (*имеется в виду житель российского происхождения – Ю.С.*) представляет собой новый субэтнос» (с. 159), относится к довольно рискованным. Само явление только-только стало обозначаться. Тем не менее аналитики из Европы следят за этим процессом уже весьма пристально, так как для них эта информация связана с возможностями и путями интеграции России в Европу. Если в Эстонии или Латвии появятся еврорусские, то можно ожидать, что со временем и русские России трансформируются в обыкновенных, рядовых европейцев. И стоит этому помочь. Если нет, то еще рано

мечтать об интеграции России в Европу на сколько-нибудь разумных началах.

Между тем, в России не задаются целью привлечь балтийских русских к делу улучшения межгосударственных отношений – для блага как России, так и государств Балтии. Суровая оценка вчерашним и сегодняшним реалиям звучит так: «...наша диаспора в государствах Балтии для нынешнего российского олигархического капитала служит или разменной монетой, или орудием политического шантажа. Её подлинные интересы в прошедшем десятилетии никого во властных структурах по-настоящему не волновали» (с. 143). Рецензенту все же сдается, что список «плохишей» далеко не полный. А где политики, ученые, беллетристы?

Особого разговора заслуживает данный Ренальдом Симоньяном обстоятельный сравнительный анализ процессов изменения экономической среды и, особенно, практики приватизации. Немало ценного содержится в обсуждении различных аспектов ментальности в контексте становления гражданского общества. Автор раскрывает богатую палитру возможностей, предоставляемых перспективами взаимовыгодного сотрудничества. Это, конечно, далеко не полный перечень достоинств монографии. Однако знакомить читателей со всем богатством, содержащимся в этой книге, не под силу одной краткой рецензии. Лучше уж читателям самим сесть за труд Ренальда Симоньяна и основательно проштудировать. Эстонский читатель получит много нетривиальных знаний о России (да и о Латвии и Литве тоже), о российских «зеркалах». Российский – об эстонских.

Особенно эту книгу следует рекомендовать политикам – как российским, так и балтийским. С тем, чтобы они не могли сказать – «а мы не знали, а мы думали». Теперь столь необходимое знание, причем несомненно долговременного значения, доступно всем.

P.S. Конечно любой рецензент всегда находит к чему придраться. Есть в монографии и неточности, и явные ошибки. Но они, как правило, не носят принципиального характера. Обидно, что усилия автора слабо поддержаны научно-вспомогательной службой и редакционно-корректорской работой (сверка цитат, корректность библиографических указателей, устранение опечаток). Автор и так нагрузил на свои плечи ношу невероятной тяжести. И вынес.